

И. ФЛЕРОВСКИЙ,
руководитель большевистской
фракции Кронштадтского Совета

КРОНШТАДТ В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Как-то в конце сентября 1917 года в коридоре Смольного меня остановил член президиума ВЦИК морской офицер, лейтенант, эсер Филипповский: «Будете ли вы завтра в Кронштадте? У нас там очень серьезное дело к Исполнительному комитету». Я полюбопытствовал, кому это «нам» и что за «дело». Филипповский от объяснений таинственно уклонился, но настоятельно просил меня быть «завтра» в Кронштадтском Исполкоме. Таинственность Филипповского меня не особенно заинтриговала, но всё равно надо было ехать в Кронштадт, и я охотно обещал лейтенанту непременно там быть на следующий день.

В тот же вечер я выехал на пароходе.

В Кронштадте не было такого вечера, когда бы наиболее активная публика — члены комитетов партий, депутаты Совета и т. д. — не собирались в бывшем Морском Собрании, а теперь доме Советов. Здесь шли частые заседания Исполкома, фракций, комиссий, ужинали и пили чай, в группах велись бесконечные споры, — словом, это был настоящий революционный муравейник. Здесь постоянно пребывали наш почти «Марат» — Блейхман, анархист-коммунист, скрывшийся в революционной цитадели от Керенского, его, казалось бы, близкий единомышленник, а на деле отчаянный фракционный враг, анархосиндикалист Ярчук. Оба были лидерами

фракций в полтора человека, но шум производили большой. Из эсеров Брушвит, впоследствии член Самарской учредиловки и «Административного центра», а тогда игравший в левизну, ибо правым в Кронштадте быть не полагалось. Из максималистов — Ривкин, человек чрезвычайной мягкости и жалкого вида, неожиданно ставший лидером второй по числу (после большевиков) фракции Совета — максималистов. Говорю — неожиданно, ибо эта фракция всё время жила в беспартийных и руководилась беспринципнейшим обывателем техником Ламановым, единственным талантом которого было особое умение приветствовать «высоких» гостей.¹ Однажды эта фракция вдруг объявила себя «максималистской», мы даже не ахнули от удивления, а просто улыбнулись. Такие ли штуки в Кронштадте бывали! Ламанов передал лидерство Ривкину.

Руководство фракцией большевиков в эту пору лежало на мне. А это означало и фактическое руководство Советом, ибо не было случая, когда бы решение нашей фракции, хотя и не составлявшей большинства, не проходило в Совете. В практической работе Исполкома я участия почти не принимал, бывал лишь на более важных заседаниях, но заседания Совета посещал регулярно и нередко руководил ими. Здесь зевать нельзя было, ибо не было случая, чтобы Совет не решал какого-либо вопроса, связанного с судьбами революции, и приходилось быть постоянно начеку.

В тот вечер внешне казалось всё как обычно. Заседали, пили чай, спорили. Но, чуть приглядевшись, можно было заметить особенную нервность и приподнятость настроения: слова «Моон-Зунд», «Слава», «Гром» то и дело слышались в спорах. Кронштадт нервничал, узнав о мюнзундских событиях, где наш флот потерпел серьезный урон: погибли броненосец «Слава» и эскадренный миноносец «Гром». Эта гибель в обстановке керенщины страшило взводнивала не только матросов, но и рабочих и гарнизон. Почувствовали и у нас почти вплотную дыхание войны.

Ко мне подошел один из членов Исполкома: «Полу-

---

¹ В дни Кронштадтского мятежа 1921 года Ламанов редактировал «Известия» контрреволюционного Ревкома, скрыться не успел и был расстрелян. (Примеч. автора.)

чена телефонограмма от президиума ВЦИКа, подпись Чхеидзе. Просит собрать на завтра Исполком в двенадцать, не знаете ли, в чем дело?

Я вспомнил таинственную просьбу Филипповского: связь между ней и телефонограммой Чхеидзе очевидна. Ну, доживем — увидим.

На другой день в двенадцать часов собрался президиум Исполнительного комитета. Точность в Кронштадте тогда считалась обязательной. Филипповский и с ним некто в военной форме полковника Генерального штаба были уже здесь. Заседание немедленно открылось. Начал Филипповский. «Мы явились, товарищи, по поручению ВЦИКа и правительства. Вопрос идет об обороне Петербурга, Кронштадта, России. От вас в этом деле зависит многое. Полковник разъяснит вам подробно. Надеюсь, что стратегические тайны не выйдут за стены этой комнаты».

Начало было не лишено интереса. Полковник медленно и аккуратно развернул трубочку бумаг. Среди них была карта. Он разложил ее перед собой и твердым, чеканно-аффектированным слогом стал разъяснять грядущую немецкую опасность Кронштадту и Питеру, с массой стратегических подробностей, под конец развел план обороны и закончил предложением — снять орудия с важнейших кронштадтских фортов, дабы перевезти их на группу островов при входе в Финский залив и таким образом закрыть путь немецкому флоту.

Все слушали весьма внимательно. Меня лично этот план заинтересовал очень, он казался умным и обоснованным. «Хороший план», — щепнул я Филипповскому, тот засиял, а я... тоже улыбнулся...

После выступления полковника пошли споры. Было крайне интересно, как члены президиума Исполкома, эсеры и максималисты, отнесутся к предложению; от большевиков слово принадлежало мне, и я решил приберечь его под конец. Эсеры и максималисты сразу ударились в стратегию и технику. Полковник, видимо, был доволен их возражениями: его доводы неотразимы, возражения противников неубедительны, — значит, дело в шляпе.

Очередь за мной: «В стратегические споры вступать не стану. План, видимо, весьма хорош, мне он очень нравится (и полковник и Филипповский засияли, а наша

публика недоуменно уставилась на меня). Да,— продолжал я,— план очень хорош, и, без сомнения, мы используем его, когда... когда... свергнем Временное правительство Керенского». Заключение по началу вышло совершенно неожиданным, и впечатление получилось эффектное. Лица наших «гостей» вытянулись, а кое-кто из товарищей крякнул от удовольствия.

Нам тогда не были известны планы Временного правительства и Керенского в отношении Кронштадта. Эти планы Керенский раскрыл в своих показаниях по «делу Корнилова». Там он писал: «Не я давал согласие на разоружение крепости, а я, как морской министр, возбудил этот вопрос и получил согласие Временного правительства на упразднение Кронштадтской крепости».¹ И очевидно, решение Временного правительства, по предложению Керенского, было вынесено в те дни, когда Церетели и Скобелев уговаривали Кронштадтский Совет отказаться от резолюции о признании Совета единственной властью в Кронштадте и принять решение о разоружении Кронштадта. Дальше Керенский писал: «Было решено, если не в июне, то, во всяком случае, в июле упразднить Кронштадтскую крепость и сделать из Кронштадта базу снабжения, место для разных складов и т. д.» Дальше Керенский сообщает, что «каждая попытка вывезти артиллерию (из Кронштадта — И. Ф.) вызывала там прямо ярость толпы». И наконец: «сдача Риги несколько отрезвила кронштадтцев, и в то время как Корнилов давал задачу Крымову (разоружить Кронштадт — И. Ф.), они уже отдавали орудия».² Два последних утверждения Керенского (о «попытках вывезти артиллерию» и о том, что кронштадтцы «уже отдавали орудия») являются вздорной выдумкой. Не было ни того, ни другого. Приезд члена президиума ВЦИКа Филипповского свидетельствовал об обратном, о попытке вынудить у Кронштадтского Совета согласие на разоружение. И эта попытка сорвалась.

Этот эпизод я привел затем, чтобы показать, как был настроен Кронштадт к правительству Керенского накануне Октябрьских дней. Кронштадт, первый в России, с изумительным единодушием стал на ленинские позиции

---

¹ А. Ф. К е р е н с к и й. «Дело Корнилова», М., 1918, стр. 84.
² Там же, стр. 83—84.

новой социалистической революции. «Власть Советам!» — на Якорной площади, этом вече Кронштадта, другого лозунга не допускали еще в мае. Июльский разгром лишь усилил озлобление, ожесточил революционную решимость кронштадтских матросов и рабочих. Эта решимость достигла апогея после монзундского сражения. Приближались солдаты кайзера, наступала неизбежность боев с ними. А разве возможно принять эти бои под знаменем Временного правительства? Это было бы для нас мучительным стыдом и позором. Нет, уж если погибать под напором немцев, так под знаменем власти Советов, на защите освобожденного от гнета и рабства народа.

Так чувствовали не только в Кронштадте, но и в действующем флоте, в последнем еще с большей остротой, ибо первые удары врага грозили боевым судам.

В начале октября за Нарвской заставой состоялось собрание Петроградского комитета большевиков и представителей районов. Обсуждался вопрос об отпоре наступавшей контрреволюции. Я от Кронштадта и Антонов-Овсеенко от действующего флота (он тогда работал в Гельсингфорсе) выступили почти с одинаковыми речами. Мы требовали не медлить, мы, именем флота, требовали восстанием освятить неизбежную, казалось, схватку флота с немцами.

Керенский осмелился упрекнуть Кронштадт в том, что в немецком успехе повинен этот непослушный город, что благодаря «упорству Кронштадта оборона не была на должной высоте». Так этот буржуазный скоморох сообщил в газетах. Ответ ему дали в двух прокламациях: одна — написанная моряками действующего флота, другая — мною, от Кронштадта. Кроме темпераментного ответа моряков на вылазку Керенского, прокламации содержали призыв к оружию, к немедленному вооруженному выступлению против правительства изменников, за власть Советов. Прокламации являлись несомненным криминалом, но правительству Керенского было уже не до преследования криминалов.

КАПУН ОКТЯБРЬСКИХ ДНЕЙ

17 октября на заседании Кронштадтского Совета были выбраны делегаты на II Всероссийский съезд Советов. Избранными оказались трое: я, анархист Ярчук и макси-

малист Ривкин. Эти выборы превосходно определяли настроение Совета и Кронштадта. Близость переворота ощущалась всеми. Для всех была ясна и несомненна в этом перевороте организующая роль партии большевиков, поэтому моя кандидатура, выдвинутая большевистской фракцией и Кронштадтским комитетом РСДРП(б), прошла почти единогласно. Ривкин получил крайне относительное большинство голосов. Третьим кандидатом был эсер. Этот кандидат еле-еле собрал голоса своей фракции. Анархо-синдикалист Ярчук получил значительно больше голосов, чем максималист. За него отдала свои голоса большевистская фракция, часть эсеров и максималистов. Выдвинутую четвертую кандидатуру эсера Сапера Совет с треском провалил с помощью фракции большевиков.

Голосование нашей фракции за Ярчука определялось необходимостью иметь на съезде политически решительного человека, способного без колебаний идти за нами до конца. Ярчук был таким. Ни одному из эсеров и максималистов, рожденных из вчерашних обывателей, мы не доверяли. Да они и сами себе не доверяли. Несуразность являлось, на первый взгляд, то обстоятельство, что под лозунгом «Власть Советам», под лозунгом «пролетарской диктатуры» прошел абсолютный противник всякой власти — анархо-синдикалист Ярчук. Он охотно принял мандат на съезд Советов, так как избрание было подкреплено точной, императивной резолюцией: «Съезд обязан отстранить правительство Керенского и взять власть в свои руки». Ярчук рассматривал захват власти в руки Советов как переходный момент к новому безвластию, к организации в ближайший последующий момент федерации рабочих синдикатов и крестьянских коммун. Это был, так сказать, анархический оппортунизм, или, наоборот, оппортунистический анархизм, не раз «разоблачившийся» непримиримым Блейхманом.

Для нас практического значения теоретические соображения Ярчука не имели, — важнее было в решающий момент иметь человека без колебаний, и потому Ярчук оказался для нас более приемлемым, нежели любой из эсеров и «максимальных обывателей», как мы в шутку прозвали наших максималистов.

22 октября, в день Петроградского Совета, мы с Ярчуком ранним утром отправились в Петербург на неболь-

шом буксирике. Съезд назначался к открытию 25-го, но нам нужно было запастись мандатами, а главное понюхать питерскую атмосферу, получить в ЦК и ПК информацию. Буксирик в Питере удержали, приказав ему быть наготове. Атмосфера в Питере накалялась. Контрреволюция пыталась в этот день устроить крестный ход и шествие инвалидов, спровоцировать рабочих и солдат на преждевременное выступление. Однако достигнуть этого буржуазной клике Временного правительства не удалось.

Обычный ход трамвая казался нам очень медленным. Нетерпение скорее услышать, узнать прямо физически жгло. От остановки в Смольный пустились бегом. Здесь при входе чувствуется уже боевая атмосфера: расставлены пулеметы в промежутках колонн, здание охраняется часовыми, красногвардейцами и солдатами.

Первым из членов Военно-революционного комитета повстречался тов. Дашкевич, не то поручик, не то прaporщик из Петрограда, всегда добродушный и улыбчивый. Добродушие — великое дело, но когда контрреволюция стала поднимать голову и готовить одну провокацию за другой, оно казалось нетерпимым. Тут подошел тов. Чудновский, вернувшийся из эмиграции, на редкость хороший, кристально-чистый товарищ. За короткое время мы успели с ним близко сойтись и подружиться. Сейчас он только что вернулся из армии и нашего революционного нетерпения отнюдь не разделял. Разгорелся жестокий спор — брать власть или выждать Учредительного собрания? Чудновский стоял за последнее, ссылаясь на солдатские настроения. Нам это казалось непростительным оппортунизмом, трусостью, политической близорукостью. Но Чудновский не был трусом и не страдал пороком близорукости, — это был исключительно смелый человек, что он показал в боях и у Зимнего дворца и в гражданской войне. В наших настроениях лишь отражалась разница опыта. Тогдашний фронт еще не был Кронштадтом и заставлял в прогнозе событий быть осторожным. Отсюда и точка зрения Чудновского. Но тогда нам эта точка зрения казалась недопустимой и вредной.

В разгар спора в комнату вошел тов. Свердлов. Отозвав меня в сторону, он предложил мне немедленно вернуться в Кронштадт: «События назревают так быстро, что каждому надо быть на своем месте». В коротком

распоряжении я остро почувствовал дисциплину наступающего восстания, и потому мне не понадобилось спрашивать мотивов и объяснений. Пожав руки товарищам и пригласив с собою Ярчука, я быстро вышел из Смольного.

На вопросы Ярчука: «В чем дело? Куда мы идем?» — я коротко ответил: «Восстание на носу. Едем в Кронштадт!».

ПОДГОТОВКА ВЫСТУПЛЕНИЯ КРОНШТАДТЦЕВ И ПОХОД В ПЕТРОГРАД

Вернулись в Кронштадт поздно вечером. Днем 23 октября собрался пленум Кронштадтского Совета. По поручению Исполкома я выступил с докладом о поездке в Петроград, в Смольный. В конце сообщения я заявил:

«Никакой резолюции, никакой декларации я вам не предлагаю и Исполком не предлагает. Исполком поручил мне только осведомить всех кронштадтских матросов, солдат и рабочих, что теперь приходится стоять не только на страже революции, не только зорко следить за всеми развивающимися событиями, — теперь надо быть готовыми к работе, в любую минуту поехать туда, куда потребуются наши силы. Из стадии резолюций, из стадии слов мы перешли в стадию дела. Теперь слово за нашим военно-техническим органом, перед которым стоит ряд непосредственных задач. Он должен давать указания и приказания». ¹

Вслед за мной в том же духе выступил Ярчук. Мне было задано много вопросов об отношении фронтовиков к Военно-революционному комитету при Петроградском Совете. Мною было охарактеризовано это отношение как отношение друзей, которые в минуту опасности явятся поддержкой Военно-революционного комитета, как и наш революционный Кронштадт.

Кронштадтский Совет на этом заседании избрал 18 комиссаров в распоряжение военно-технической комиссии при Исполкоме Совета. В своем заключительном слове мной было особо подчеркнуто то обстоятельство, что Временному правительству и эсеро-меньшевистским

---

¹ «Известия Кронштадтского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» № 189, 4 ноября 1917 г.

вождям не удалось и не удастся сорвать II Всероссийский съезд Советов Рабочих и Солдатских Депутатов, что на 22 октября до 12 часов на съезд прибыло около 300 делегатов и из них две трети — большевики, а из эсеров преобладают «левые эсеры», что по данным анкет, разданным делегатам, большинство за лозунг «Вся власть Советам!».

После меня выступил представитель заградителя «Амур» тов. Красавин и заявил Кронштадтскому Совету: «Вы можете располагать «Амуром» по вашему усмотрению когда потребуется, до вооруженной силы включительно». ¹

На другой день 24 октября во второй половине дня была получена телефонограмма Военно-революционного комитета при Петроградском Совете, предписывающая выступить революционным силам Кронштадта на защиту Всероссийского съезда Советов утром 25 октября 1917 года.

К вечеру вызвали на заседание Исполнительного комитета Кронштадтского Совета. Когда я пришел в «Морское Собрание», Исполком уже заседал. На заседании в новом составе присутствовала военно-техническая комиссия. Без лишних разговоров и споров, быстро и энергично выносились решения, распределялись функции между членами Исполкома Совета и военно-технической комиссии. Для руководства сводным боевым отрядом кронштадтских моряков и всей операцией по переброске в Петроград многотысячного отряда матросов, солдат и красногвардейцев из Кронштадта по заливу, Морскому каналу и реке Неве был выделен штаб в составе: Смирнова Петра (техник, большевик), Каллиса ² и Гриимма. ³

В этот штаб вошел я, как представитель Кронштадта в Военно-революционном комитете при Петроградском

---

¹ «Известия Кронштадтского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» № 190, 5 ноября 1917 г.

² Пропорщик, левый эсер впоследствии коммунист, павший смертью храбрых за Советскую Родину в 1918 году. (Примеч. автора.)

³ Солдат-максималист, впоследствии перешедший в лагерь врачей Советской власти, расстрелянный в 1919 году за участие в контрреволюционном мятеже на форту «Красная Горка». (Примеч. автора.)

Совете, и Ярчук — делегат II Всероссийского съезда Советов. Кроме того, были выделены семь комиссаров в сводно-боевой отряд кронштадцев для руководства подразделениями отряда.

Вся подготовка к выступлению в Питер проходила исключительно ночью. Вряд ли в эту ночь в Кронштадте кто-нибудь сомкнул глаза. Морское Собрание переполнено матросами, солдатами и рабочими. У всех боевой вид, полная готовность к походу. Приходят за распоряжениями, выносят приказы. Революционный штаб точно намечает план операции, определяет части и команды к выступлению, подсчитывает запасы, шлет назначения. Ночь проходит в напряженной обстановке. К выступлению намечены суда: минный заградитель «Амур», только что прибывший в Кронштадт из действующего флота, участник монзундского сражения 29 сентября — 7 октября 1917 года, старый линейный корабль «Заря Свободы» (бывший «Александр II»), посыльное судно «Ястреб», госпитальное судно «Зарница», учебное судно «Верный», заградитель «Хопер» и ряд других.

«Амур», «Хопер», «Зарница», «Ястреб», «Верный», кронштадтские пароходы и буксиры были предназначены для переброски сводного боевого кронштадтского отряда в Петроград, а «Заря Свободы» для артиллерийского обеспечения подходов к Петрограду со стороны Балтийской железной дороги (Лигово—Стрельна) и занятия корабельным десантом станции Лигово. Стоянка корабля намечена была у входа в Морской канал (пикет № 114).

Когда план выступления был готов и важнейшие приказы отданы, мы с Каллисом вышли на улицу. Здесь большое, но молчаливое движение. К военной гавани движутся отряды моряков и солдат, при свете факелов видишь только первые ряды серьезных, решительных лиц. Ни смеха, ни говора, — четкий шаг, редкие слова команды. Тишину ночи нарушает лишь громыхание грузовиков, перебрасывающих из интендантских складов крепости запасы на суда. В гавани идет тоже молчаливая, напряженная и спешная работа погрузки. Отряды притулились к набережной и терпеливо ждут посадки.

Невольно думалось: «Неужели это последние минуты перед величайшим в мире революционным переворотом? Всё так просто и четко, как перед любым военно-боевым

выступлением, так не похоже на все известные в истории картины революции».

— «Эта революция пройдет по-настоящему», — говорит мой спутник. Оборачиваюсь к нему. При блеклом свете фонаря нё лицо, а будто мертвенная, загадочная маска. Только в серых спокойных глазах поблескивают искорки. Я вижу его словно впервые, знаю о нем, что он из чужой, враждебной партии, но сейчас питаю к нему безграничное доверие и странное уважение. Сам дивлюсь своим чувствам. Должно быть, это особая революционная интуиция, раскрывающая в решительные моменты людей, прежде незнакомых. И революционная интуиция не ошиблась в тов. Каллисе. Пару слов скажу об этом позднее трагически погибшем революционере.

Безгранична смелость, решительность, спокойствие и деловая расчетливость являлись основными его качествами. «Наш Долохов» — Долохов в революции — был Каллис. С той лишь разницей, что толстовский Долохов — авантюрист по преимуществу, а основные качества Каллиса спрятаны вокруг поглощающей, безграничной преданности революции и рабочему классу. С той минуты, как левоэсеровские колебания, половинчатость всё более обнаруживались, он отходил от партии эсеров и к октябрю, без формального разрыва с прошлым, вошел в наши ряды. В революционном штабе его резкие, короткие замечания решали дело, в самой рискованной операции он шел впереди, и на него безусловно можно было положиться там, где требовалась крайняя решительность. Холодная жестокость... не знаю, как в личной жизни, но во имя революции он не останавливался ни перед чем. Так было в Октябрьские дни, так было в походе против Каледина, когда он руководил кронштадтскими бойцами.

«Революция пройдет по-настоящему» — в этих словах был весь Каллис-Долохов. В рассчитанном плане, в суровом напряжении, в четком исполнении, в отсутствии безалаберности, в беспрекословной дисциплине он чувствовал настоящую, новую, массовую революцию и предвидел ее успех.

Брезжило пасмурное осенне утро, когда началась посадка. В черных бушлатах, с винтовкой за плечами и патронными сумками у пояса с привычной быстротой

и ловкостью взлетали моряки по трапу на корабль. Медленно поднимались солдаты гарнизона и красногвардейцы. Часам к девяти посадка закончена. Революционный штаб поместился на «Амуре» в каюте судового комитета. «Амур» шел головным. Комиссаром «Зари Свободы» на заседании Исполкома Совета избрали тов. Колбина, большевика-матроса. Он должен был руководить боевыми действиями корабля.

Рожок проиграл сбор, и матросы крепко сгрудились на верхней и средней палубах. Мне и Ярчуку надо было сказать слова революционного напутствия. Не знаю, что сказал Ярчук. Но когда передо мной стали сотни сосредоточенных лиц, когда я увидел эту массу глаз, на меня устремленных, я почувствовал небывалый, восторженный трепет. Он пронизал насквозь всё тело, первые секунды сжал горло. Я, как никогда, реально осязал нити, связующие меня с этой массой лиц и глаз. Хотелось не говорить, а броситься и обнять эту многогикую силу пролетарской революции, великой мечты, готовой вот-вот стать действительностью. С большим трудом я мог вымолвить несколько слов: «Товарищи, наступают исключительные события в истории нашей страны и всего мира. Мы идем творить социальную революцию. Мы идем оружием сбросить власть капитала. Это нам на долю выпало величайшее, неизбывное счастье осуществить страстные мечты угнетенных...»

Прошло много лет, а картина этого митинга, последних минут перед выступлением, как живая, стоит перед глазами, и едва ли кто из участников его забудет. Ни рукоплесканий, ни криков и возгласов, — сжимают в крепких объятиях, целуют, тискают руки, на энергичных обветренных лицах слёзы и сиянье глаз.

Другое собрание. В кают-компании господа офицеры. Здесь настроения иные — тревога, озабоченность, недоумение. При моем появлении и обычном приветствии все встали. Стоя выслушали короткое объяснение и... приказ: «Мы идем с оружием в руках свергнуть Временное правительство. Власть переходит Советам. На ваше сознание мы не рассчитываем, и оно нам не нужно; но мы требуем, чтобы вы были на своих местах, точно исполняли свои обязанности по кораблю и наши при-

казы. От лишних испытаний мы вас избавим». Вот всё. В ответ прозвучало короткое морское «есть» командира судна, и сейчас же разошлись по местам и своим каютам. Командир вышел на мостик.

Медленно тронулся «Амур» с матросами, сплошь покрывающими палубу. Было их свыше двух тысяч, жались, громоздились, где могли, и не двигались, — ходить не было места. В каюте судового комитета, где разместился штаб, тоже теснота и давка. В уголке прикурнул Блейхман, растерянный, забытый и никому не нужный с его анархизмом. Он сам чувствовал свою ненужность, и вся фигура его говорила о какой-то робости, словно просила, чтобы его «пожалуйста» не трогали, через несколько дней он будет снова призывать, а теперь... теперь Блейхман немножко жалок, как и его призыва. Не символ ли это анархизма, с бурливой словесностью и никчемностью в революции?

Идем по узкому каналу, в кильватере «Ястреб» и другие суда. Невольно думаешь — а что если правительство предусмотрительно заложило пару мин и расставило десятки пулеметов за прикрытиями на берегу, — так это просто и так легко разгромить наше предприятие. Но правительству не до того. Вот и Нева. Фабричные трубы, суда — всё спокойно, без признаков грядущей социальной и боевой грозы.

Мы решаем вопрос, где встать для высадки десанта. Вдруг слышим ликующее могучее «ура». Выскакиваем на палубу. Посреди Невы развернулся наш крейсер — «Аврора». Гремят приветственные клики, радость, оживление ключом забило на палубе. «Какая жалость, что мы забыли оркестр!» — «Ничего, скоро будет другая музыка!»

«Амур» стал невдалеке от «Авроры», ближе к Николаевскому мосту. Через несколько минут на палубу поднялся Антонов-Овсеенко, член руководящей тройки Военно-революционного комитета.¹ Наскоро сообщает новости и передает распоряжение Военно-революционного комитета. Зимний дворец окружается. Часть наших

---

¹ Кроме него, в эту тройку входили тт. Подвойский и Чудновский. (*Примеч. автора.*)

отрядов займет место в цепи окружения, часть необходимо высадить на Васильевский остров. К «Амуру» подходят мелкие суда, чтобы переправить десант к берегу. Высадка идет споро и быстро, палуба пустеет, на корабле остается только боевая вахта. Устанавливаем связь с «Авророй» и Петропавловской крепостью.

Антонов-Овсеенко нам сообщил, что Военно-революционный комитет намерен использовать вначале мирный путь: министрам Временного правительства будет послан ультиматум — сдаться под угрозой обстрела дворца с боевых судов и Петропавловской крепости. В случае отказа правительства сдаться было предложено убрать больных и раненых из лазарета, расположенного в части Зимнего дворца, иначе ответственность за попадание снарядов в лазарет падет на головы министров.

С нами тов. Антонов-Овсеенко условился, что в случае отклонения ультиматума Петропавловка даст сигнальный пушечный выстрел — холостой, мы ответим также холостым пушечным выстрелом. Затем, после небольшой паузы, крепость даст новый выстрел, после которого мы откроем по дворцу боевую стрельбу.

Мы тут же отдали распоряжение старшему артиллерийскому офицеру «Амура» выяснить возможность обстрела дворца и скоро получили ответ: «Стрелять с «Амура» нельзя — мешает Николаевский мост, лежащий на линии выстрела. Для обстрела дворца корабль необходимо отвести на новое место». Тогда мы решили запросить «Аврору» о возможности обстрела, и с нее получили положительный ответ. На том и порешили: будет стрелять «Аврора».

Наступил вечер, уже было темно, когда нам сообщили, что ультиматум правительством отклонен. На «Аврору» был отдан приказ приготовить условленный выстрел. Стали ждать сигнала крепости. Набережные Невы усыпала глазеющая публика. Очевидно, в голове питерского обывателя смысл событий не вмещался, опасность не представлялась, а зреющая сторона была привлекательна. Зато эффект вышел поразительный, когда после сигнального выстрела крепости громыхнула «Аврора». Грохот и сноп пламени при холостом выстреле куда значительнее, чем при боевом, — любопытные шарагнулись

от гранитного парапета набережной, попадали, поползли. Наши матросы изрядно хохотали над комической картиной.¹

Меня выстрел застал в кают-компании, где между мною и офицерами шла мирная беседа. Разговор на текущие темы не клеился, и мы слушали рассказы командира, участника русско-японской войны, о Цусиме. На кают-компанию выстрел «Авроры» произвел ошеломляющее впечатление. Несмотря на долгую привычку к выстрелам, все вздрогнули и бросились к окнам. У командира странно запрыгали губы, как перед плачем или истерикой: «Не волнуйтесь, господа, это холостой...».

Но кают-компания долго не успокаивалась. Разговор затих. Только командир в большой тревоге и оторопелом смущении промолвил: «Выстрел по столице... с русского корабля», — и глаза его засияли подозрительной влагой. Это было в начале гражданской войны, потом господа офицеры привыкли к русским выстрелам по русским городам, делали их с остервенением наслаждением. Но тогда... тогда это было больно и непонятно.

После выстрела наступило молчание, молчала и крепость. Мы недоумевали, в чем дело, и ждали. Дворец, видимо, еще сопротивлялся, изредка доносились оттуда стрекотанье пулемета и залпы, но крепость новых вестей не давала. Очевидно, в чем-то нарушена ситуация, должно быть, Военно-революционный комитет внес изменение в наш план, — мы терялись в догадках...

---

¹ Помнится, в своих воспоминаниях Маянтович, министр юстиции, в одной из книжек «Былого» рассказывает об осколке снаряда, залетевшем в комнату Зимнего дворца, где сидели члены Временного правительства. Взяв в руки осколок, морской министр Вердеревский сказал: «Это с «Авроры». (Приблизительно так пишет автор). Это чистейший вздор, — никакого снаряда «Аврора» не посыпало, выстрел был холостой и единственный. Очевидно, господин министр в мемуарах делает кураж перед современниками и историей. Дескать, посмотрите, какие мы были храбрые! А с легкой руки Маянтовича и наши некоторые литераторы договорились даже до «залпа «Авроры». И хочется им сказать: «Фантазируйте, друзья, да знайте меру. Подумайте, что бы стало с дворцом от залпа шестидюймовых «Камэ» да еще прямой наводкой». (Примеч. автора.)

ДЕЙСТВУЮЩИЙ ФЛОТ

В каюту штаба бомбой влетает вахтенный: «Корабли идут!». Всесыпали на палубу. Линии корабельных огней сверкали у входа в Неву. «Забияка» и «Самсон» быстро приближались. Опытный, наметанный глаз старых моряков сразу определяет не только вид, но и индивидуальность судна. Как ни были мы уверены в победе наличными силами, но подарок действующего флота вызвал у всех чувство огромного подъема и ликования. Долго несмолкаемое, могучее «кура» на всех судах, шум судовых машин, — есть от чего прийти в восторг. «Эх, хорошо революцию делать!» — восхищается рядом со мною матрос. Действительно хорошо, исключительный, редкий, неповторимый праздник революции. «А ведь там, поди, слышат и не радуются», — показывает он на Зимний дворец. Да, там в это время «демократические» министры слали проклятия «демократии», их породившей, жалкому, трусливому, растерянному мещанству.

С приходом новых судов на Неве образовалась солидная революционная эскадра. С этого момента не только в ночь 25 октября, но и дальнейшие попытки контрреволюции к сопротивлению, вплоть до похода Керенского — Краснова, были никчемными. Несколько позднее в нашем штабе ставился вопрос, так, между прочим, — как быть, если Краснов войдет в Питер? Помню, тогда Каллис взял план города и карандашом отметил ряд пунктов в центре: «Всё это мы разнесем в полчаса судовой артиллерией». Он не преувеличивал — силища у нас составилась большая.

Едва корабли швырнули в Неву якоря, как наш катер пришвартовался к борту «Самсона». Миноносец как разгоряченный после бега благородный конь: еще содрогается, словно живой, корпус, фырчат машины. В средней палубе, где собралась команда и куда спустились мы с Каллисом, — чёртово пекло. Матросы почти все в одних полосатых тельняшках, машинная команда, как черти из ада, — в саже и масле, все потом обливаются. И нам пришлось первым делом сбросить шинели, расстегнуть воротнички рубах и засучить рукава.

По возвращении на «Амур», мы нашли здесь нежданых гостей: делегация — два эсера, два меньшевика-интернационалиста. В числе первых — Спиро, один из

вождей левого эсерства, в числе вторых, помнится, — наш теперешний друг тов. Крамаров. По русской пословице — «быль молодцу не укор», старое вспоминать не следует. Но эта «делегация» была столь характерна для позиции тогдашних наших «друзей» справа, что ее нельзя в воспоминаниях обойти молчанием.

Они заявили себя «делегацией» съезда Советов, со слались даже на «санкцию» Военно-революционного комитета. Мы им не поверили и не могли поверить: и потому, что среди них не было представителей вождя Октябрьского восстания — партии большевиков, и по содержанию их предложений, и по тону, который едва не повлек за собой несчастья.

Первым их вопросом было — «как мы осмелились стрелять в Зимний», известно ли нам, что там есть министры — члены «советских» партий? (Имелось в виду — эсеров и меньшевиков). Кто-то из делегатов с дрожью в голосе сообщил, как Маслов проклинал «демократию». Они запросили, что «у нас за штаб», что мы «будем делать дальше».

Делегация и ее вопросы вызвали среди членов штаба чувство, трудно поддающееся определению. Только чрезвычайная выдержка членов штаба спасла «делегацию» от неприятных последствий. Были два рискованных момента. Спиро обратился непосредственно к Каллису — как тот «смел без разрешения партии стать членом штаба? Ведь ЦК партии запретил принимать участие в восстании». Я видел, как сверкнули холодные серые глаза, чуть сжалась брови и рука легла на кобур. Еще момент и... Крепко стиснув руку товарища, я обратился к «делегатам»: «Вот что, господа хорошие, уходите побору-поздорову, мы здесь не шутку шутим, и лучше предложите вашим министрам сдаться, тогда и «демократию» избавите от лишних волнений...»

Не успел я закончить, как в комнату влетел запыхавшийся матрос, один из ординарцев, обслуживавших связь с крепостью. Он принес записку, написанную на кусочке карандашом, но не возбуждающую ни малейших сомнений. В записке было предложение открыть немедленно орудийную стрельбу по дворцу, чтобы не тянуть осаду до утра. Повторяю, записка сомнения не вызывала: ее содержание, нам казалось в тот момент, точно отвечало ходу борьбы. Поэтому, не колеблясь, мы отдали на «Ав-

пору» приказ — приготовиться к боевой стрельбе. Всё это произошло быстро, на глазах оторопелой делегации. «Ну, а теперь, граждане...» — и жестом указал «делегатам» на дверь. Но в дверях стояли матросы, они слышали все вопросы «делегатов», и их лица не предвещали ничего хорошего. Это был второй рискованный момент. Я вышел проводить «делегацию», и по тем замечаниям, которыми провожали «гостей» матросы, можно было заключить, что мое общество для «делегатов» оказалось не лишним... «Прислужники буржуазии», «за борт...» и другое, не менее лестное, сопровождало этих господ.

Предстояло отдать последний приказ, который мог иметь роковое значение не только для министров «демократии», но и для самого дворца. Мы порешили выждать еще четверть часа, инстинктом чуя возможность смены обстоятельств. И мы не ошиблись. На исходе последних минут — новый гонец. Этот прямо от Зимнего. «Дворец взят!..» Новая радость, и притом двойная — ведь мы были на грани рокового выстрела, и неизвестный гонец-матрос (время ли там узнавать, кто он!) явился спасителем Зимнего дворца.

Немедленно с Ярчуком на автомобиле отправляемся в Смольный. Об автомобиле позабочились наши матросы — просто забрали штук пять у мимо проезжавших буржуев и правительственные чиновников.

Улицы Петербурга спокойны и молчаливы. Ни малейших следов революционного восстания. Только на перекрестках Невского, Садовой и Литейного расположились малочисленные пикеты революционных солдат — греются у костров, — автомобиль пропускают без окриков и задержек. На повороте Знаменской площади видим даже пару освященных трамваев с пассажирами. Словом, никаких следов революции. У Смольного навстречу нам выходят делегаты съезда, — первое заседание верховного органа Республики Советов, образованного со сказочной быстротой, кончено.¹ Можно вернуться на корабль и выспаться.

На следующий день (26 октября) наша эскадра разделилась: «Аврора», «Амур», «Забияка» и «Ястреб» при-

¹ Здесь очевидная неточность. Заседание съезда, по документам, кончилось в пять часов утра, а около трех часов был перерыв, мы приехали как раз к перерыву, но выходившие из Смольного нам сказали о конце заседания. (*Примеч. автора.*)

швартовались к Васильевской набережной, «Самсон» и другие мелкие суда были разбросаны по Неве дальше, за Николаевским и другими мостами, вплоть до Смольного, причем, в случае надобности, они легко могли перейти к Обуховскому заводу (на случай необходимости в обстреле Николаевской железной дороги). Штаб перешел на «Ястреб», где на палубе помещалась удобная для работы кают-компания.

Из города стали приходить тревожные вести. Буржуазия и мещанская община озлоблены, «Комитет спасения» будоражит толпу Невского проспекта контрреволюционными воззваниями, передавали случаи избиений депутатов съезда, красногвардейцев, даже матросов.

Мы решили немного прочистить атмосферу и показать революционный штык буржуазной сволочи. Разослали ряд матросских патрулей на Невский и другие улицы с приказом разгонять обывательские сбороны. Патрули действительно внесли успокоение. Возвращались они обычно с трофеями — с отобранным разным оружием: винтовками, револьверами, шашками и даже бомбочками, приводили подозрительных лиц: офицеров, ударниц, пьяных, господ сверхбуржуазного вида. Однако к этим «пленникам» и в штабе и у матросов отношение было крайне добродушное: после легкого опроса их отпускали на все четыре стороны; ударницам советовали поскорей сменить штаны на юбки, всё это без издевки, с веселым простым смехом, а пьяных даже кормили консервами и отправляли в матросское помещение выспаться. Очевидно, молва о ласковом приеме пьяных на корабле прошла по всему пьяному Петеру, — скоро от пьяных отбою не стало на корабле. Тогда применили другой способ вытрезвления, несколько жестокий в осенние дни: матросы стали окунать пьяных головой в Неве, средство и в смысле отрезвления и избавления от пьяных посещений оказалось превосходным.

В воздухе, однако, чувствовалось наступление грозы. Эсеры, меньшевики, их комитеты продолжали взывать против «узурпации» большевиков. У врагов революции была, хоть и слабая, надежда на фронт, на Керенского, который сбежал за казаками. Пронеслись уже слухи, что казацкие полки движутся к Петербургу. Случаи нападения на советские автомобили, разоружения красногвардейцев стали учащаться. Выявились отчетливо и настоя-

щие центры контрреволюционных выступлений: Влади-мирское, Константиновское, Павловское и другие юнкерские училища.

Ликвидировать толпу на Невском было невозможно без решительных средств, а к ним не прибегали, всё еще надеясь, что обывательщина уляжется сама собой, или ждали для «успокоения» более основательных поводов,— они явились через день.

Вечером 26-го мы с Ярчуком отправились в Смольный на заседание съезда. Никогда еще Смольный не вмещал такого количества людей, как в этот вечер: солдаты, матросы, красногвардейцы.

Большой зал, где обычно собирался Петербургский Совет, залит волнами яркого света и битком набит депутатами и гостями. На трибуне В. И. Ленин — вождь proletарской революции, отныне приковавший к себе небывалое в истории внимание всего мира: любовь одной половины, ненависть другой. Четыре месяца мы его не видели, но, незримый, он руководил великой партией, влил в наши ряды энергию и твердую веру в революционную победу. Бритое, необычное лицо, но знакомы глаза, улыбка, — во всей фигуре торжество победы рабочего класса и уверенность в силе и правде социальной революции. Декреты о мире, о земле, о рабочем контроле. Вот они — мир, хлеб, воля. Они завоеваны в первом бою. Многое осталось свидетелей великих минут, о них писать не буду.

«...Образовать Совет Народных Комиссаров в составе...» Мой сосед Ярчук в большом волнении: «Какой Совет Комиссаров?! Что за выдумка? Власть Советам!..» Здесь же, в ряду, загорается жаркий спор. На нас шикуют, кричат. Ярчук не унимается: еще бы, все планы «анаархистского оппортунизма» полетели к чертям, — диктатура пролетариата доподлинная, организованная, а не мифическая словесность. То-то посмеется Блейхман...

Затем тов. Свердлов оглашает список кандидатов в члены ВЦИК. Слышу мою фамилию. Список принимается единогласно. Съезд закрывается под мощное пение международного пролетарского гимна.

На корабле спорили долго. Ярчук злился, негодовал и считал себя обманутым. Хорошо ли быть обманутым... революцией! Но под конец, мирно закусив консервами, повалился вместе с «узурпатором», не раздеваясь, спать.

Утро принесло тревожные вести. Буржуазия на улицах наглела, крепли слухи о близком приходе Керенского и казаков. В полдень донесли о захвате юнкерами и офицерами телефонной станции. Кто-то сообщил, что на верхушку Исаакия юнкера втащили пулеметы. Работа в штабе закипела. Отряд за отрядом рассыпались по разным направлениям. К станции направили крупные силы моряков.

Выхожу на палубу. Смотрю, на рядом стоящем «Заяке» странное оживление. С носового орудия снимают чехол, подносят снаряды. Бегу на миноносец узнать, что это значит. Там уже коменддор наводит. Куда? Зачем? «Да вот на Исаакия — там, слышь, юнкера с пулеметами в наших стреляют». Еле-еле уговорил, что это не проворенные слухи, что стрельба глупа, бесцельна и преступна. Угомонились, но явным недовольством — уж очень хотелось пострелять. «Больно прицел хороший», — с разочарованием молвил коменддор. Жестоко обругав председателя судового комитета, заставил орудие прикрыть, снаряды убрать и вернулся в штаб.

Скоро история с телефонной станцией была благополучно закончена. Наши отряды привели несколько юнкеров, взятых у станции. С ними в штабе мирно побеседовали и отпустили. Казалось, добродушию революции не было предела.

Однако добродушие не могло долго продержаться, раз враги революции продолжали его упорно провоцировать.

Я не был при подавлении восстания Владимира юнкерского училища. Матросы вернулись с операции в крайнем возбуждении. Еще бы! Выкинуть белый флаг — знак сдачи и покорности — и затем поливать из пулемета матросов и красногвардейцев, не подозревавших бесчестного, кровавого обмана, — это чрезвычайно мало располагало к дальнейшему добродушию. И пусть не сетуют господа из того лагеря на жестокость революционных матросов. Если и был в действительности взрыв жестокости, он явился результатом возмутительной, зверской провокации юнкеров Владимира юнкерского училища.

Дабы предотвратить новые попытки к восстанию в других юнкерских училищах, Военно-революционный комитет решил провести разоружение этих училищ. Решение это, однако, вынесено было не сразу. Нам пришлось иметь дело с Константиновским артиллерийским

училищем на Балканском проспекте. Это было уже в то время, когда под Питером шло сражение с казаками Краснова. По Николаевской железной дороге, кажется, в Колпино, должен был выступить Лодейнопольский пехотный полк на тот случай, если казаки вздумают метнуться наперерез Николаевской дороги, чтобы разъединить Питер и Москву. К этому полку придавалась распоряжением Военно-революционного комитета артиллерия Константиновского училища. Наш штаб получил сообщение, что училище отказалось подчиниться приказу комитета, и на нас возлагалась задача или заставить его выполнить приказ, или немедленно училище разоружить. Выполнить распоряжение революционного комитета предложено было мне и Каллису. Свободных матросов в это время у нас не оказалось, — все были заняты на фронте против Краснова, для операции забрали кронштадтских красногвардейцев.

Отряду было приказано расположиться против училища, мы с Каллисом решили вдвоем пойти и предварительно выяснить с командой училища ее отношение к революции. Условились с начальником отряда: если через полчаса не вернемся, больше не ждать и начинать обстрел и атаку.

Вошли в помещение комитета команды. Комната переполнена, идет о чем-то жаркий спор, при нашем появлении всё смолкает.

«Мы представители Военно-революционного комитета. Вами получен приказ комитета о выступлении?» — «Да, получен». — «Почему он не исполнен? Признаёте вы власть рабочей революции?» — и ряд других вопросов.

Кто-то из командного комитета стал оправдываться: «Прежде всего, команда революционной власти подчиняется безусловно, но выступить артиллерия не могла, потому что ей не было дано пехотного прикрытия».

Отговорка явно несуразная — наготове к выступлению стоял и ждал Лодейнопольский полк. Саботаж и неповинование очевидны. Ровным, спокойным тоном Каллис заявляет: «Никаких в дальнейшем уверток и колебаний, — или точно и беспрекословно выполнять приказы, или все немедленно будете арестованы. Сопротивление аресту будет наказано смертью».

Слова Каллиса производят сильное впечатление: «Мы готовы, в любую минуту, когда прикажете...»

Дело кончено, но за разговорами мы совсем забыли об условленном получасе. Лишь случайно у кого-то в руках я увидел часы, взглянул на свои и стремглав бросился к выходу: на исходе была последняя минута.

Красногвардейцы рассыпались частью цепью, приготавившись к стрельбе, частью подошли к железным воротам, бывшим на запоре, от которых сторож благоразумно сбежал. Его разыскали, отперли ворота, и отряд, не трогая команды, пошел обыскивать училище и офицерские квартиры. В сущности, это не был обыск, просто заходили и спрашивали оружие, — офицеры отдавали, и этим кончалось. Разоружение Константиновского училища прошло вполне благополучно, а на другой день команда выступила с артиллерией на Николаевский вокзал.

На нас же с Каллисом было возложено проследить за отправкой артиллерии и полка до конца, т. е. до момента отъезда их эшелонов. Здесь мы натолкнулись на «викжеляние» дорожного комитета. Он, по союзной политике Викжеля, объявил себя «нейтральным». Командира и полковой комитет лодейнопольцев мы нашли в большом затруднении: дорожный комитет отказывал в отправке эшелона. «Как же быть? — вопрошал нас председатель полкового комитета, — мы явились воевать с казаками, а не с железнодорожниками».

Видимо, Лодейнопольскому комитету выступать на позиции не улыбалось. Нечего греха таить, были у нас такие части «решительных» противников войны, которые не хотели никаких позиций, кроме домашних. Грызть семечки, кричать «ура» и «долой», принять большевистскую резолюцию — это куда ни шло, а вот сражаться: «это уж вы сами». В комитете лодейнопольцев такие настроения проглядывали. Ими занялся Каллис и скоро привел их в «православный» вид, — сговорились. Но дело было за железнодорожниками. Тут мы настояли прежде всего на отправке — к машинисту подсадили пару матросов. Казалось всё налаженным и благополучным. Эшелон готов был тронуться. Вдруг один из «викжелеобразных» заявляет, что «комитет не ручается» за благополучный ход эшелона, — «мало ли что может случиться».

В помещении комитета членов было человек шесть, мы с Каллисом и один матрос. Заслышав новую угрозу,

Каллис, не медля, вынул внушительный кольт и приказал членам комитета сесть вдоль стены. Те опешили и сели.

«Вот что, товарищи, шутки в сторону, нам это надоело. Сейчас один из вас с товарищем матросом отсюда выйдет и устроит так, чтобы эшелон ушел вполне благополучно. Если ж что-нибудь произойдет, я перестреляю вас всех».

Комитет онемел, один из членов в сопровождении матроса немедленно был выпущен, а мы с Каллисом и остальными членами просидели так около часа, пока не получили извещения о благополучном прибытии эшелона в Колпино.

В комнату никого не впускали. Сидение кончилось, Каллис спрятал кольт, члены комитета вновь зашумели, где-то хотели протестовать против насилия. Мы посоветовали им сделать это как можно скорее и вышли.

* * *

Днем 29 октября 1917 года, по вызову В. И. Ленина, в Петроград пришли крейсер «Олег» (вместо намеченного линейного корабля «Республика») и эскадренный миноносец «Победитель» и встали недалеко от Николаевского моста. К этому времени крейсер «Аврора» отошел к Франко-Русскому заводу. На мою долю выпало счастье приветствовать олеговцев. Восстановить сейчас то, что я сказал им тогда, очень трудно, но это первое общение с крейсером в октябрьские дни сковало нас исключительными братскими узами.

Позднее, спустя полгода — в апреле 1918 года, когда воюя верховной революционной власти я был назначен главным комиссаром Балтийского флота, моими лучшими друзьями стали олеговцы, участники великого Октября, кстати, добавлю — и славные, на редкость преданные делу революции амурцы.¹

---

¹ Минный заградитель «Амур» в 1918 году вышел из состава флота. Команда единодушно порешила пойти на фронт и целиком влилась в 4-й Балтийский отряд, отражавший англичан на С. Двине. Это был один из лучших наших отрядов, сыгравших в первый, опаснейший для молодой Республики Советов период гражданской войны исключительную по значению роль. Их история не написана, а она была бы великолепной страницей и в общей истории Красного флота и в истории гражданской войны. (Примеч. автора.)

Незабываемы моменты личного и массового энтузиазма. Такие минуты были пережиты мной на «Олеге» в этот день.

Один за другим выплывают эпизоды Великого Октября: их трудно изложить в короткой статье.

Кронштадтцы и матросы судов действующего флота вместе с рабочими и гарнизоном Петербурга прошли все этапы Октябрьской борьбы. И всюду они были в первых рядах, всюду вносили энергию, смелость и вдохновение. На улицах Невского они приводили в трепет озлобленное столичное мещанство, под Питером они с изумительной стойкостью выдерживали натиск казаков и явились к казацкому генералу предложить ему самому сдаться и выдать Керенского, но тот уже вновь успел сбежать. Отряд матросов под руководством пишущего эти строки выдворял из Городской думы контрреволюционеров во главе со старым Шрейдером. Матросы охраняли думу, когда вновь избранный «голова» М. И. Калинин входил в думу пролетарскую. Матросы заняли гнездо белогвардейщины — «Асторию», где наводили ужас на пьянистующее с горя офицерство. С разгромом контрреволюции в Питере кронштадтцы отправились добивать ее на Дону.

В дни учредилки снова ленточки флота пестрят золотом на улицах столицы, и снова матросы одним видом вносят успокоение в среду злобствующих мещан и саботажников.

Трудно сказать, где не были кронштадтцы-матросы в первую эпоху Октябрьской революции. И всюду они отличались беззаветной преданностью великому перевороту и власти Советов.

Балтийские моряки явились мощной и надежной вооруженной силой Великой Октябрьской социалистической революции.

